

Учебная дисциплина: Литература

Группа: 34

Преподаватель: Кладова Т.В.

Сроки выполнения заданий: 05.06.2020

Тема урока: Особенности поэтического мира А.Т.Твардовского. Автобиографизм поэзии. Образ лирического героя. Тема войны и памяти в лирике Твардовского.

ЗАДАНИЯ:

1) *Изучите и законспектируйте теоретический материал урока.*

В 1920-1930-е гг. важнейшими темами поэзии Твардовского становятся такие, как советская действительность, изменения в жизни села, будни и праздники деревенских жителей, русская природа, любовные переживания молодого человека.

Тема войны занимает центральное место в лирике Твардовского 1941-1945 гг. (стихотворения «Сержант Василий Мысенков», «Рассказ танкиста», «Бойцу Южного фронта», «Баллада о товарище», «Партизанам Смоленщины», «Армейский сапожник», «Со слов старушки», «Минское шоссе» и др.). К ней поэт часто обращается и в последующие годы (стихотворения «Я убит подо Ржевом», «Москва», «Сыну погибшего воина», «Я знаю, никакой моей вины...», «Лежат они, глухие и немые...» и др.).

Обращение к прошлому, к памяти позволяет постичь высшие моменты бытия. Представление о нем создают те «подвижные картины», с которых начинается стихотворение *«Жестокая память»* (1951). Обращает на себя внимание лиризм воспоминаний, переданный в мягком, неторопливом, певучем звучании стиха. Но «Жестокая память» — это и стихи, впитавшие в себя напряжение и драму истории, иные подробности и приметы времени: *«окопная маскировка»*, *«дым горячих воронок»*, *«угарная пыль похода»*, *«соль солдатской спины»*, *«сражений грохочущий вал»*. Все это вбирает в себя метафорический образ потрясающей силы: *«Июль сорок первого года, Кипящее лето войны»*.

Стихи А. Твардовского военных лет — это хроника фронтовой жизни, состоявшей не только из героических подвигов, но и из армейского, военного быта (*«Армейский сапожник»* (1942)), и лирические взволнованные воспоминания о родной Смоленщине, ограбленной и оскорбленной врагами земле.

В стихах поэта военных лет звучит и философское осмысление человеческой судьбы в дни всенародной трагедии. Стихотворение *«Две строчки»* (1943) навеяно фактом корреспондентской биографии Твардовского: две строчки из записной книжки напомнили ему о бойце-парнишке, которого видел он убитым, лежащим на льду еще в ту незначительную войну с Финляндией, что предшествовала Великой Отечественной. И подвига он не совершил, и война незначительная, но жизнь ему была дана единственная — через нее-то и постигает художник подлинную трагедию всякой войны, возникает пронзительное по силе лиризма ощущение необратимости потери:

*Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий
Как будто это я лежу...*

Стихотворение *«Я убит подо Ржевом...»* написано в 1945-1946 годах. Все стихотворение — это страстный монолог мертвого, его обращение к живым. Обращение с

того света, обращение, на которое имеет право лишь мертвый — так судить о живых, так строго требовать от них ответа.

Парадоксальная первая строчка обращения мертвого человека к живым сразу определяет весь тон произведения. Пребывание в небытии, там, «где корни слепые ищут корма во тьме», «где с облачком пыли ходит рожь на холме» описано просто и безнадежно. Смерть по Твардовскому – это место, откуда не возвращаются. Отрада у мертвых одна: «*Что недаром боролись Мы за Родину-мать*».

Большинство глаголов стоит во мн. числе, что указывает на обобщение: падший воин говорит от лица всех погибших. Форма первого лица показалась автору наиболее соответственной идее единства живых и павших «ради жизни на земле».

Погибший солдат видит себя лишь «частицей народного целого» и его волнует, равно как и всех, чьи «очи померкли», все, что свершилось потом, после него. Робкая надежда на то, что «исполнится слово клятвы святой», вырастает в прочную веру — наконец-то поправа «крепость вражьей земли», настал долгожданный День Победы.

Название стихотворения «*Лежат они, глухие и немые...*» (1966) возвращают нас в памятную, тяжелейшую пору, которую переживала страна.

Фронт горел, не стихая,

Как на теле рубец.

Этот месяц был страшен.

Было все на кону.

Слова эти написаны с полной достоверностью — и чисто внешней, и психологической. Это ощущение человека, который был сам участником событий, когда «было все на кону», когда «решалась судьба Отечества» в стихе.

Главная, самая больная для поэта тема — **тема исторической памяти** — пронизывает его лирику 50—60-х годов. Погибшим на войне посвящено стихотворение «*Я знаю, никакой моей вины*» (1966), которое смело можно назвать одной из вершин русской лирики XX века:

Я знаю, никакой моей вины

В том, что другие не пришли с войны.

В том, что они, кто старше, кто моложе —

Остались там и не о том же речь,

Что я их мог, но не сумел сберечь —

Речь не о том, но все же, все же, все же...

В стихотворении «Я знаю, никакой моей вины...» проблема войны рассматривается уже с точки зрения живого, вернувшегося с фронта человека. Чувство вины и ответственности за окружающих - главное в стихотворении. Повисающая концовка «все же, все же, все же...» только усугубляет ощущение безысходности. Лирический герой задается риторическим вопросом: мог ли он сберечь тех, кто не пришел с войны? Конечно, нет, но чувство вины не оставляет героя и автора.

За открытым финалом, стихотворения — целый мир человеческих переживаний; целая философия, которая могла сформироваться у людей, чье поколение вынесло столько страшных и жестоких испытаний, что каждый выживший ощущал это как чудо или награду, может быть, незаслуженную. Но особенно остро переживает поэт те этапы истории, которые перечеркнули жизнь его семьи, его родителей. В этом и позднее покаяние, и осознание личной вины, и высокое мужество художника.

Стихотворение лаконичное и потому особенно пронзительное. Оно построено как лирический монолог, где настроение колеблется между двумя чувствами: с одной стороны, автор убеждает себя в своей полной невинности перед павшими на полях Великой Отечественной войны, с другой же — в последней строке пробивается то покаинное ощущение своей вины, которое свойственно всем совестливым людям.

В цикле *«Памяти матери»* (1965) помимо темы забвения всплывает также и проблема смерти и преемственности поколений. Все произведение проникнуто грустью и безысходностью: лирический герой навсегда прощается с умершей матерью.

В сознании лирического героя образ матери вызывает мысли
 - об отдалении повзрослевших детей от матери, нечуткости к ней, неумении быть благодарными, сохранять прежнюю душевную близость, поддерживать родственные связи (стихотворение «Прощаемся мы с матерями»);
 - о тяжелой судьбе тех русских женщин, на долю которых в сталинские времена выпало испытание ссылкой (стихотворение «В краю, куда их вывезли гуртом», «Ты откуда эту песню...»);
 - о невосполнимости потери матери, тяжести ощущения ее утраты («Как не спеша садовники орудуют»).

Цикл «Памяти матери» был написан Твардовским в 1965 году, после смерти матери. Цикл состоит из четырех стихотворений, объединенных общим названием и общей темой — историей жизни матери.

В своей лирике Твардовский утверждает непреходящее значение нравственных ценностей, необходимость неразрывной связи поколений, необходимость воспитывать в себе чувство ответственности за происходящее.

Традиционная в русской литературе тема **«О поэте и поэзии»** получила в лирике Твардовского неординарное решение. Следует прежде всего отметить ее исповедальный характер. В стихах на эту тему чаще всего обозначается ситуация: «поэт наедине с самим собой». Она неоднозначна, что сказывается на интонации, выборе слов, на характере авторской исповеди.

В стихотворении *«Изведав жар такой работы...»* поэт показан в минуты вдохновения. Две короткие строфы, убыстренный ритм стиха, слова в один-два слога словно бы «подгоняют» друг друга; поэт в волнении торопится записать их — все это помогает понять состояние лирического героя.

*Изведав жар такой работы,
 Когда часы быстрей минут,
 Когда забудешь, где ты, что ты,
 И кто, и как тебя зовут;
 Когда весь мир как будто внове
 И дорога до смерти жизнь...*

В стихотворении *«Стой, говорю: всему помеха...»* поэт показан в ином состоянии. Он резок, категоричен, бескомпромиссен по отношению к себе. Он вершит бесстрашный суд над собой.

*Стой, говорю: всему помеха —
 То, что, к перу садясь за стол,
 Ты страсти мелочной успеха
 На этот раз не поборол.
 Ты не свободен был. И даже
 Стремился славу подкрепить...
 Прочь этот прах, расчет порочный...*

И здесь сюжет лирического стихотворения приобретает не фабульную, а психологическую остроту. Причем началом стихотворения служит сама кульминация чувств, непосредственно вводящая в мир волнующих поэта мыслей: «мелочные страсти», «успех», «слава», «расчет порочный» — все это мнимые ценности, «прах», они делают поэта несвободным. Такая открытость в выражении поэтического чувства не может не найти отклик в душе читателя. Он почувствует эмоциональный контраст, на котором строится это стихотворение. Резкие фразы первой строфы («Стой...», «Прочь...») сменяются плавными строчками второй части стихотворения, в которой высказаны заветные желания:

А только б сладить со строкой.
 А только б некий луч словесный
 Узреть, не зримый никому,
 Извлечь его из тьмы словесной
 И удивиться самому.
 И вздрогнуть, веря и не веря
 Внезапной радости своей,
 Боясь находки, как потери,
 Что с каждым разом все больней.

В стихотворении «**Вся суть в одном-единственном завете...**» (1958) утверждается высокое, общезначимое. Твардовский видит смысл собственного творчества в полной самоотдаче, способности донести до других откровенную поэту истину:

*Вся суть в одном-единственном завете:
 То, что скажу, до времени тая,
 Я это знаю лучше всех на свете -
 Живых и мертвых, — знаю только я.*

*Сказать то слово никому другому
 Я никогда бы ни за что не мог,
 Передоверить. Даже Льву Толстому -
 Нельзя. Не скажет, пусть себе он бог.*

*А я лишь смертный. За свое в ответе,
 Я об одном при жизни хлопочу:
 О том, что знаю лучше всех на свете,
 Сказать хочу. И так, как я хочу.*

Перед нами предстает личность незаурядная. Каждое сказанное здесь слово — о высоком назначении человека, о смысле и цели его жизни, долге, совести, ответственности.

В лирике Твардовского 1960-х гг. усиливается философское начало. Многие поздние произведения поэта — это раздумья о жизни и смерти, предназначении человека, поэзии, природе. Стихи Твардовского последнего периода творчества отличаются искренностью психологической достоверностью и глубиной. В них как никогда отчетливо проступает лирическое «я» поэта. Герой поздней лирики Твардовского предстает перед читателем как человек, обладающий житейской мудростью, просветленным восприятием земного бытия, равнодушием к красоте окружающего мира.

Тема стихотворения «**На дне моей жизни**» (1967) — старость как время подведения жизненных итогов.

*На дне моей жизни,
 на самом доньшке
 Захочется мне
 посидеть на солнышке,
 На теплом пенушке.
 И чтобы листва
 красовалась палая
 В наклонных лучах
 недалекого вечера.
 И пусть оно так,
 что морока немалая -
 Твой век целиком,
 да об этом уж нечего.*

Я думу свою
 без помехи подслушаю,
 Черту подведу
 стариковскою палочкой:
 Нет, все-таки нет,
 ничего, что по случаю
 Я здесь побывал
 и отметил галочкой.

В одном из самых последних, написанном уже на шестидесятом году жизни и опубликованном посмертно, Твардовский спокойно прощался с жизнью. Доверительность признаний поэта, разговорная интонация, диалогическая форма поэтического текста, своеобразие синтаксиса с его выразительным тире есть в стихотворении **«Что нужно, чтобы жить с умом?»** (1969). Ответ содержится в заветах, которые оставил поэт:

Понять свою планиду:
 Найти себя в себе самом
 И не терять из виду.
 И труд свой пристально любя, —
 Он всех основ основа, —
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

В Твардовском заключалось «три дара, из которых складывается истинное поэтическое дарование: дар сочувствия, дар понимания, дар выражения» - так метко определил его талант В. Александров. Еще более определенную оценку его художественной индивидуальности дал П. Выходцев: «Твардовский без назойливо трескучих деклараций, логикой развития художественных образов воспроизводит главные признаки нашего времени, политическое, историческое и философское содержание дел и свершений народа». И в самом деле, социальное в творчестве поэта неотделимо от эстетического.

2) Проанализируйте стихотворение А.Т.Твардовского «Я убит подо Ржевом», ответив на вопросы?

Я убит подо Ржевом,
 В безыменном болоте,
 В пятой роте, на левом,
 При жестоком налете.
 Я не слышал разрыва,
 Я не видел той вспышки,—
 Точно в пропасть с обрыва —
 И ни дна ни покрышки.
 И во всем этом мире,
 До конца его дней,
 Ни петлички, ни лычки
 С гимнастерки моей.
 Я — где корни слепые
 Ищут корма во тьме;
 Я — где с облачком пыли
 Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
 На заре по росе;
 Я — где ваши машины
 Воздух рвут на шоссе;
 Где травинку к травинке
 Речка травы прядет, —
 Там, куда на поминки
 Даже мать не придет.
 Подсчитайте, живые,
 Сколько сроку назад
 Был на фронте впервые
 Назван вдруг Сталинград.
 Фронт горел, не стихая,
 Как на теле рубец.
 Я убит и не знаю,
 Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
 Там, на Среднем Дону?..
 Этот месяц был страшен,
 Было все на кону.
 Неужели до осени
 Был за ним уже Дон
 И хотя бы колесами
 К Волге вырвался он?
 Нет, неправда. Задачи
 Той не выиграл враг!
 Нет же, нет! А иначе
 Даже мертвому — как?
 И у мертвых, безгласных,
 Есть отрада одна:
 Мы за родину пали,
 Но она — спасена.
 Наши очи померкли,
 Пламень сердца погас,
 На земле на поверке
 Выкликают не нас.
 Нам свои боевые
 Не носить ордена.
 Вам — все это, живые.
 Нам — отрада одна:
 Что недаром боролись
 Мы за родину-мать.
 Пусть не слышен наш голос, —
 Вы должны его знать.
 Вы должны были, братья,
 Устоять, как стена,
 Ибо мертвых проклятье —
 Эта кара страшна.
 Это грозное право
 Нам навеки дано, —
 И за нами оно —
 Это горькое право.
 Летом, в сорок втором,
 Я зарыт без могилы.
 Всем, что было потом,
 Смерть меня обделила.
 Всем, что, может, давно
 Вам привычно и ясно,
 Но да будет оно
 С нашей верой согласно.
 Братья, может быть, вы
 И не Дон потеряли,
 И в тылу у Москвы
 За нее умирали.
 И в заволжской дали
 Спешно рыли окопы,
 И с боями дошли
 До предела Европы.

Нам достаточно знать,
 Что была, несомненно,
 Та последняя пядь
 На дороге военной.
 Та последняя пядь,
 Что уж если оставить,
 То шагнувшую вспять
 Ногу некуда ставить.
 Та черта глубины,
 За которой вставало
 Из-за вашей спины
 Пламя кузниц Урала.
 И врага обратили
 Вы на запад, назад.
 Может быть, побратимы,
 И Смоленск уже взят?
 И врага вы громите
 На ином рубеже,
 Может быть, вы к границе
 Подступили уже!
 Может быть... Да исполнится
 Слово клятвы святой! —
 Ведь Берлин, если помните,
 Назван был под Москвой.
 Братья, ныне поправшие
 Крепость вражьей земли,
 Если б мертвые, павшие
 Хоть бы плакать могли!
 Если б залпы победные
 Нас, немых и глухих,
 Нас, что вечности преданы,
 Воскрешали на миг, —
 О, товарищи верные,
 Лишь тогда б на войне
 Ваше счастье безмерное
 Вы постигли вполне.
 В нем, том счастье, бесспорная
 Наша кровная часть,
 Наша, смертью оборванная,
 Вера, ненависть, страсть.
 Наше все! Не слукавили
 Мы в суровой борьбе,
 Все отдав, не оставили
 Ничего при себе.
 Все на вас перечислено
 Навсегда, не на срок.
 И живым не в упрек
 Этот голос наш мыслимый.
 Братья, в этой войне
 Мы различья не знали:
 Те, что живы, что пали, —
 Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,
Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.
Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?
В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли. чужая,
Вся в цветах или в снегу...
Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братя, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

- От чьего лица идет повествование? Что этим достигается?

- Что мы узнаем из этого поэтического монолога о самом лирическом герое?

- Чем объяснить такое количество вопросительных предложений подряд в начале стихотворения? Что волнует погибшего воина даже за чертой земной жизни?

- Как объяснить одновременное присутствие в одном тексте местоимений «ваш – наш»?

- К кому обращается лирический герой в своем монологе? Какие слова-обращения находит?

- К чему призывает погибший воин оставшихся в живых?

- Что завещает живым, а значит, и нам с вами?

3) Прочитайте стихотворение А.Т.Твардовского «Памяти Гагарина» и ответьте на вопросы: **Как автор рисует образ лирического героя? Важна ли для него слава? За счет чего наблюдается простота образа лирического героя?**

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронёсся по людским сердцам.
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясённый сам.
Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пёстром пламени знамён,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землём-планетой был усыновлён.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой –
На маленькой Земле – зачем же войны,
Зачем же всё, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой Вселенной
Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын земли, ты у неё в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чьё имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слышал про тех князей.

Фамилия – ни в честь она, ни в почесть,
И при любой – обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, и мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон
разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством
навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нём горит печать грядущих дней,
Что может смерть с такой поделать
славой? –
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути
Не меньшее, чем подвиг, испытанье, –
Дай бог ещё его перенести.

Всё так, всё так. Но где во мгле
забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчаный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем нескупым,
Кого ещё до всякой славы было
За что любить, – не даром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...
Ах этот день с апрельской благодатью!
Цветёт ветла в кустах над речкой
Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком.